

СЛИШКОМ ГРОМКО ДЛЯ ПУСТОТЫ

Артем Стрелец

Артем Стрелец

Слишком громко для пустоты

«Автор»

2026

Стрелец А.

Слишком громко для пустоты / А. Стрелец — «Автор», 2026

Переселенческий рейс должен был стать началом новой жизни. Они легли спать на одном краю пути и собирались проснуться на другом. Без происшествий. Без задержек. Без причин открывать глаза раньше времени. Но кто-то решил иначе. Теперь одному из них придётся сделать то, что позволит остальным всё-таки долететь. Даже если для него самого этот путь уже не закончится.

© Стрелец А., 2026

© Автор, 2026

Содержание

1	5
2	10
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Артем Стрелец

Слишком громко для пустоты

1

Полутёмный корабль шёл там, где звёзды уже не имели значения.

В пассажирских отсеках не горел ни один основной светильник. В рубке спали экраны. Коридоры тянулись чёрными кишками между закрытыми дверями, и только редкие служебные точки тускло мерцали у пола, показывая путь тем, кто всё равно не должен был идти.

Бодрствующих здесь не было.

В криокамерах лежали люди. Контуры обогрева поддерживали температуру, дыхательные циклы были выровнены до машинной тишины, а датчики считали пульс, давление и глубину сна.

Корабль слушал сам себя.

Лёгкий шелест проверочных модулей проходил по стенам почти неслышной волной. Вентиляторы гнали воздух через фильтры медленно, без рывков, словно боялись потревожить темноту. Где-то под обшивкой щёлкали реле. В технических стойках потрескивали остывающие контакты. Иногда коротко просыпался насос, прогонял жидкость по тонкой магистрали и снова затихал.

Ни тревоги.

Ни голосов.

Ни шагов.

Только рабочий шёпот корабля, уходящего там, где пространство уже не было пространством.

Свет оставался лишь в навигационном узле.

Он не освещал отсек полностью. Только выхватывал из темноты силовое кольцо, кабели на потолке и вытянутую прозрачную колбу в центре. Всё остальное тонуло в густом полумраке: стены, крепления, закрытая дверь, предупреждающие надписи на полу.

Внутри колбы подрагивала полупрозрачная жидкость.

Навигатор спал.

Так было положено. Во время перехода он не просыпался в обычном смысле. Он не думал, не выбирал, не видел. Он просто держал маршрут — слепой живой узел, выращенный для дороги, которую не могла просчитать ни одна мёртвая машина.

Из глубины колбы поднимались мелкие пузырьки.

Один.

Второй.

Цепочка почти прозрачных точек всплыла вверх, распалась у внутренней стенки и исчезла.

Потом ещё одна.

Колба мерно покачалась из стороны в сторону.

Такого не должно было быть.

Не в невесомости. Не во время выхода из прыжка. Не в отсеке, где даже лишняя вибрация гасилась компенсаторами раньше, чем человек успевал бы её почувствовать.

Но колба качалась.

Медленно. Тяжело. Словно была подвешена не в силовом захвате корабля, а в кузове старой телеги, которую тащили по разбитой дороге.

Внутри тоже что-то двигалось.

Не сразу. Сначала казалось, что это обычное смещение жидкости. Тёмная, густая масса внутри колбы слегка отставала от движения стенок, догоняла их, растекалась обратно. Так бывало при коррекции курса. Так писали в инструкции. Так говорили на коротком обязательном инструктаже перед посадкой.

Если видите движение в навигационной колбе — не вмешивайтесь.

Если слышите звук из навигационной колбы — не открывайте отсек.

Если колба меняет цвет — немедленно переходите к протоколу сна.

Инструкцию показывали один раз. Мелким шрифтом. На экране посадочного терминала. Под мягкий голос программы переселения, которая обещала новый дом, чистый воздух, землю в пользование и льготный статус первой волны.

Никто тогда не читал до конца.

Сейчас читать было некому.

Отсек навигатора освещался рывками. То вспыхивала узкая потолочная линия, то тухла половина панели, то в глубине стен просыпались маленькие служебные огни и сразу снова пропадали. Свет не держался. Он не падал на пол ровно. Не ложился на металл. Он дробился, цеплялся за углы, скользил по мокрым кабелям и исчезал в тёмных нишах.

Корабль дрожал.

Не сильно. Не так, как дрожат машины перед разрушением. Скорее — как тело, которому снится плохой сон.

Вибрация шла по переборкам. По закрытым створкам. По креплениям аварийных кресел. По трубам, спрятанным за внутренней обшивкой. Где-то далеко, за несколькими герметичными дверями, коротко щёлкнул замок. Потом ещё один. Потом стихло.

Датчики показывали норму.

Они показывали норму слишком упорно.

Температура навигационного отсека — допустима.

Давление — допустимо.

Ионизация — допустима.

Плотность переходного следа — в пределах расчёта.

Состояние навигатора — стабильно.

Последняя строка мигнула и осталась на экране.

Состояние навигатора — стабильно.

Колба ударилась о внутренний ограничитель.

Глухо. Мягко. Будто изнутри её толкнули ладонью.

Жидкость внутри пошла волной. По мутной поверхности протянулись тонкие чёрные прожилки. Сначала одна. Потом вторая. Потом их стало много. Они расплзались медленно, с неприятной точностью, словно не просто появлялись, а искали путь.

На стекле проступили капли.

Они не должны были быть снаружи. Колба была герметичной. Вокруг неё держалось сухое стерильное поле. Любая влага в этом отсеке считалась нарушением протокола.

Капли дрожали на стекле, собирались в неровные дорожки и сползали вниз.

Внутри навигатора что-то свернулось.

По всем нормам он должен был оставаться почти прозрачным. Спящий клубок живой ткани, вмонтированный в узел управления. Неприятный, но понятный.

Прыжок никогда не запускался одной техникой. Расчёты можно было доверить машине. Давление, курс, перегрузку, охлаждение, защитные контуры — тоже. Но сам переход требовал живого присутствия.

С этим долго не могли ничего сделать.

Первые короткие испытания проводили почти рядом, в изученной части системы, на контролируемых расстояниях. Секунды перехода. Малые корабли. Дублирующие маяки. Полная внешняя привязка.

Люди всё равно исчезали.

Не погибали. Не возвращались повреждёнными. Не оставляли тел. Просто пропадали из кораблей так, будто их никогда не было на борту.

А без них прыжок не начинался.

Так появились навигаторы.

Не люди. Не машины. Не животные. Почти живые проводники, выращенные для того, чтобы переход признал их присутствие, но не смог забрать как человека.

Теперь прозрачности не осталось.

В глубине колбы густела мутная темнота.

Чёрные прожилки под стеклом зашевелились. Они тянулись по внутренней поверхности колбы, сжимались, снова расходились. Будто маленькие черви скользили под кожей. Будто кто-то невидимый водил ими, проверяя границы.

Служебный экран моргнул.

Состояние навигатора — стабильно.

Потом текст исчез.

На его месте появилась пустая строка.

Колба снова качнулась.

На этот раз сильнее.

Металл вокруг крепления тихо застонал. Силовое кольцо, удерживавшее навигационный модуль, на мгновение вспыхнуло синим, потом красным. Автоматика попыталась выровнять положение. Колба подчинилась. Замерла почти ровно.

Почти.

В правой части отсека загорелся первый красный огонёк.

Он был маленький. Невыразительный. Из тех сигналов, которые обычно не замечают, пока не включится сирена.

Сирена не включилась.

Вместо неё из потолочного динамика вышел короткий хрип. Сухой. Обрубленный. Как будто система хотела произнести слово, но не нашла для него голоса.

Потом вспыхнул второй красный огонёк.

Третий.

Четвёртый остался тёмным.

Загорелся пятый.

Весь правый блок панели окрасился тусклым аварийным светом.

Надписи включались одна за другой.

Отклонение курса.

Потеря внешнего ориентира.

Разрыв навигационной связи.

Переходный шум выше нормы.

Повторное построение маршрута невозможно.

На последней строке система задержалась дольше.

Потом выдала ещё одну.

Бодрствующие сознания на борту не обнаружены.

Экран погас.

Корабль продолжал идти.

Переход ещё не закончился.

За внешней обшивкой не было ни звёзд, ни пустоты, ни обычной черноты космоса. Там не было пространства в человеческом смысле. Только давление без источника. Движение без направления. Глухая тёмная масса, сквозь которую корабль проходил, как игла сквозь закрытый глаз.

Внутри всё спало.

Пассажирский отсек был погружён в холод. Ряды криокамер стояли вдоль стен, закреплённые в ложементах. На каждой — имя, возраст, номер договора, пункт назначения. Под стеклом лежали люди, которые поверили в новую жизнь достаточно сильно, чтобы лечь в железные коробки и позволить чужой системе выключить им сознание.

Дети спали легче взрослых.

Так говорили врачи.

Так писали в памятке.

Камеры не должны были открываться до окончания перехода. Пробуждение начиналось только после выхода в нормальное пространство, после стабилизации курса и подтверждения координат.

Процесс пробуждения всё равно пошёл.

Сначала включился подогрев контуров. Потом тонкие белые линии побежали по корпусам камер. Где-то глубоко под полом заработали насосы. Система считала, что прыжок завершён. Или очень хотела так считать.

В главном блоке управления ожил таймер.

00:00:17

Семнадцать секунд до выхода.

Колба навигатора перестала качаться.

В отсеке стало почти тихо.

Только внутри неё продолжали двигаться чёрные нити. Они больше не метались. Не искали. Не стучали в стекло. Теперь они тянулись в одну сторону — к стене, за которой находился пассажирский отсек.

00:00:12

По кораблю прошла новая вибрация. Ниже прежней. Глубже. Она не дрожала в металле — она будто прошла через него, не признавая переборок.

Потолочный свет погас окончательно.

Остались только аварийные огни.

Красные точки вдоль пола.

Красные полосы на дверях.

Красные отблески на мокром стекле колбы.

00:00:08

Динамик снова захрипел.

На этот раз звук был длиннее.

Почти похожий на вдох.

00:00:05

В навигационной колбе что-то открылось.

Не глаз. Не рот. Не орган, который можно было бы назвать правильно.

Просто в мутной глубине появилась тёмная щель, и все чёрные прожилки разом потянулись к ней, как трава к свету.

00:00:03

Корабль начал выходить из перехода.

По инструкции в этот момент все системы должны были снизить нагрузку, корпус — принять обратную волну, навигатор — закрыть маршрут, а пассажиры — продолжить спать ещё сорок минут, пока обычное пространство окончательно не станет обычным.

Так должно было быть.

00:00:01

Колба ударилась о крепление в последний раз.

Стекло не разлетелось, но от верхнего кольца по нему прошла длинная трещина. Один из силовых захватов вырвало из основания, и модуль повис под углом.

Что-то внутри дёрнулось и обмякло.

Таймер обнулился.

Корабль вывалился в космос.

На экранах рубки одна за другой появились звёзды. Они были холодными, далёкими, настоящими. Система поймала внешний ориентир, проверила вращение, давление, целостность корпуса, остаток топлива, состояние пассажирского блока.

Потом вывела главный статус.

Прыжок завершён.

Ниже, с задержкой, появилась вторая строка.

Координаты не соответствуют маршруту.

Красные огни продолжали гореть.

Колба навигатора больше не качалась.

Она стояла ровно, мёртво, как пустой сосуд.

Только с внутренней стороны стекла медленно сползала чёрная жидкость.

И там, где она оставляла за собой мутный след, проступали тонкие линии.

Сначала они казались трещинами.

Потом сложились в угловатый рисунок, слишком ровный для случайного повреждения.

Свет в навигационном отсеке погас.

2

Первым проснулся командир.

По документам — капитан небольшого переселенческого транспорта и ответственный за пассажиров. По факту — человек, который привёл на этот корабль свою семью.

Вадим.

Он проснулся не потому, что оказался крепче остальных. Не потому, что организм легче перенёс криосон. Так было записано в договоре, в инструкции и в семейном протоколе переселения.

Ответственный пробуждается первым.

Он должен был подтвердить состояние семьи, принять статус корабля, проверить маршрут и только потом разрешить полное открытие остальных камер. В теории это выглядело разумно. Вадим сам поставил подпись под этим пунктом, когда оформлял перелёт. Тогда строчка казалась обычной бюрократией: ещё одна галочка среди десятков других.

Теперь корабль выполнил её без всякой жалости.

Крышка капсулы открылась с влажным шипением. Изнутри вывалился белый пар. Аварийные лампы мигнули, выхватили из тумана лицо Вадима, мокрые волосы, серую кожу, пальцы, судорожно сжавшиеся на внутренней раме.

Он ещё не проснулся до конца.

Сознание возвращалось кусками. Сначала холод. Потом боль в груди. Потом вкус металла во рту. Потом глухой шум, будто кто-то держал его голову под водой, а сверху по корпусу били ладонями.

Система работала.

Плохо, но работала.

Тонкие иглы уже вышли из вен. Питательные трубки отстёгивались одна за другой. Медицинский блок вводил стимуляторы, стабилизаторы, препараты для дыхания. Он пытался вытянуть тело из почти мёртвого состояния обратно в норму живого человека.

Справлялся неуверенно.

Вадима начало трясти.

Сначала мелко — подбородок, плечи, пальцы. Потом сильнее. Спина выгнулась, грудь резко поднялась, из горла вырвался хрип. Он попытался вдохнуть и не смог. Воздух будто не хотел входить внутрь. Лёгкие забыли, как это делается.

На внутреннем экране капсулы вспыхнули строки.

Пробуждение активно.

Дыхательный цикл нестабилен.

Паническая реакция.

Не покидать капсулу.

Вадим не прочитал.

Руки нашли край ложементов. Пальцы сорвались, снова вцепились. Он дёрнулся, задел плечом крепление, ударился затылком о мягкую вставку и наконец втянул воздух.

Вдох вышел рваным.

За ним пришёл кашель.

Капсула пыталась удержать его. Не грубо. Осторожно. Ремни натянулись на груди и бёдрах, фиксирующие дуги подались вперёд, под локтями раскрылись мягкие зажимы. Всё это должно было защитить пробуждающегося человека от самого себя.

Но система опоздала.

Вадим рванулся ещё раз.

Одна трубка отстегнулась не до конца и потянула кожу на боку. Он зашипел, ударил по ней ладонью, не понимая, что делает. Вторая петля слетела с запястья. Третья повисла на плече.

Капсула стояла слишком высоко.

Ещё одна мелкая ошибка корабля. Полтора метра до пола — немного для здорового человека и слишком много для того, кто только что вернулся из криосна.

Вадим перевалился через край.

На секунду он завис, цепляясь локтем за мокрую внутреннюю обивку. Потом пальцы соскользнули.

Тело рухнуло вниз.

Удар получился тяжёлым, глухим. Вадим упал на бок, застонал и свернулся на холодном полу между капсулами. В ушах стоял шум. Перед глазами расплзались красные пятна аварийного света.

Он попытался подняться.

Руки не слушались.

Ноги тоже.

Тело дрожало, как чужое. Непослушное, мокрое, слишком слабое. Каждый вдох давался с трудом. Каждый звук корабля казался громче, чем должен был быть: шелест вентиляции, щелчки реле, далёкий стон металла, жидкое бульканье в магистралях криоблока.

Вадим лежал на полу между капсулами и не мог даже нормально повернуть голову.

Слева шипел контур разморозки. Справа мерцали индикаторы жизнеобеспечения. Над ним, слишком высоко, стояли закрытые камеры — Ирина, Тим, Мира.

Он не видел их.

Но знал, где каждая.

И этого хватило, чтобы вспомнить, зачем он должен был проснуться первым.

Наконец заработала сирена.

Она не помогла прийти в себя. Не прояснила голову. Не вернула силы.

Зато достала до старого слоя, который не отключался даже в криосне.

Туда, где ещё жили команды, тревоги, аварийные протоколы и чужой голос командира: если орёт сирена — двигайся. Потом будешь думать. Потом будешь плевать, вспоминать имя и разбираться, почему во рту кровь.

Вадим открыл глаза.

Не полностью. Не по-настоящему.

Но достаточно, чтобы понять: лежать дальше нельзя.

Дрожь прошла по груди резким судорожным рывком. Сердце то ли само вспомнило, как биться, то ли импланты наконец смогли разогнать его до живого ритма. Разницы не было.

Он перевернулся на живот.

Пол качнулся под лицом. Тёмный криоотсек поплыл в сторону, потом вернулся обратно. Красные аварийные маяки резали глаза короткими вспышками. Каждая вспышка вырывала из темноты кусок помещения: ножку капсулы, лужицу на полу, край открытой крышки, собственную руку, белую и мокрую, как чужую.

Он поднялся на локтях.

Трубки, ещё не до конца отстёгнутые от тела, натянулись. Одна выскочила из порта с влажным чпоком. Следом вторая. По боку потекла тёплая жидкость, смешанная с кровью и остатками питательного раствора.

Вадим стиснул зубы.

— Сука...

Голос вышел не голосом, а сухим сломанным шёпотом.

Сирена била по ушам так, будто стояла не в динамиках, а прямо внутри черепа.

Возможно, часть звука действительно шла туда.

Через аварийные каналы имплантов, которые не должны были включаться на гражданском корабле. Старый подарок старого командира: глубоко зашитый блок на чёрный день, спрятанный ниже пользовательских настроек, ниже медицинских ограничителей, ниже всего, что можно было отключить обычным сервисом.

Тогда, в штурмовой группе, Вадим решил, что командир просто не умел отпускать людей на гражданку без лишнего железа в голове.

Теперь железо проснулось.

И потащило его наверх раньше, чем он сам понял, что ещё жив.

Выйти из анабиоза — дело не пяти секунд. И даже не часа.

Обычно пробуждение тянулось долго, грязно и неприятно. Тело возвращали к жизни постепенно: сначала дыхание, потом давление, потом мышцы, потом равновесие. Несколько часов человек оставался под наблюдением, пока медицинская система вытаскивала его из состояния, слишком похожего на смерть, чтобы называть это сном.

Вадим стоял уже через минуту.

Почти стоял.

Колени гнулись. Пальцы не хотели сжиматься. Голова проваливалась в темноту при каждом резком звуке. Он вцепился в край соседней капсулы, переждал новый приступ тошноты и заставил себя посмотреть вперёд.

Переборка выхода из криоотсека была закрыта.

Над ней горел зелёный аварийный индикатор.

Доступ ограничен.

Вадим вдохнул. Воздух застрял где-то в горле, царапнул изнутри и вышел кашлем.

— Капитан Вадим Ларин, номер один-два-пять-шесть-пять-восемь-девять.

Он зажмурился, переждал очередной удар сирены и повторил громче:

— Капитан Вадим Ларин. Номер один-два-пять-шесть-пять-восемь-девять. Код доступа: Дальний Рубеж.

Сирена взвыла так резко, будто специально пыталась перекрыть последние слова.

Потом оборвалась.

Не стихла. Не ушла на спад.

Просто замолчала.

В наступившей тишине продолжали мигать красные маяки. Где-то за стеной щёлкали реле. Вентиляция гнала воздух короткими неровными рывками. После сирены эти звуки казались слишком мелкими, почти стыдливymi.

Замок на переборке щёлкнул.

Зелёный индикатор сменился на белый.

— Приветствую, капитан Ларин, — раздался из динамика приятный женский голос с лёгким металлическим оттенком.

Секунду назад из той же решётки выла сирена.

Теперь голос звучал так, будто ничего особенного не произошло.

Вадим сглотнул. Во рту стоял привкус железа.

— Общий статус.

— Выход из полупространства завершён. Идёт процедура деанабиоза пассажиров. Состояние пассажиров...

— Состояние корабля. Координаты.

Он перебил систему и сделал шаг к переборке. Створка пока не открывалась, только разблокировала внутренний замок. Ещё одна задержка. Ещё одна ошибка. Или мера безопасности.

Вадим ударил ладонью по панели.

— Система. Состояние корабля.

— Общее состояние корабля в норме. Основные системы работают в штатном режиме. Давление стабильно. Кислород — сорок процентов. Топливо — двадцать пять процентов. Жизнеобеспечение активно. Нутриентный запас — сто процентов. Детоксикация и рециркуляция работают в штатном режиме. Координаты запрашиваю...

Голос оборвался.

В динамике что-то булькнуло.

Не треск помех. Не обычный сбой синтезатора. Звук был влажный, глубокий, будто система попыталась произнести слово через горло, которого у неё не было.

Вадим замер.

— Повтори.

— Координаты...

Опять бульканье.

На панели у двери вспыхнула строка, но тут же распалась на рваные символы. Несколько букв продержались чуть дольше остальных, потом исчезли тоже.

Вадим медленно повернул голову к криокамерам.

Ирина.

Тим.

Мира.

Их крышки были закрыты.

Индикаторы жизни горели. Неровно, но горели.

Он вернулся взглядом к двери.

— Открыть криоотсек.

— Доступ разрешён.

Створка дёрнулась.

На ладонь ушла в сторону и встала.

Вадим несколько секунд смотрел на щель, будто ждал, что механизм одумается. Не одумался. Внутри двери что-то тихо щёлкало, прокручивалось вхолостую и снова щёлкало.

— Полное открытие.

— Выполняю.

Створка не сдвинулась.

— Полное открытие, — повторил Вадим.

— Выполняю.

Тот же щелчок. Та же мёртвая ладонь зазора.

Вадим закрыл глаза на секунду. Не от усталости — чтобы не сорваться на крик. Корабль докладывал норму, а простую дверь открыть не мог.

— Аварийный доступ.

Пауза.

— Подтвердите ручное снятие блокировки.

— Подтверждаю.

Под панелью у двери отщёлкнулась узкая крышка. За ней загорелся тусклый жёлтый индикатор и показалась утопленная рукоять аварийного привода.

Вадим просунул пальцы в нишу.

Рукоять была холодной, мокрой от конденсата. Он потянул её на себя. Сначала не вышло. Пальцы сорвались. В плече вспыхнула боль, тело снова повело в сторону, и он едва не ударился лбом о переборку.

Вадим выругался уже беззвучно.

Потом схватился обеими руками и дёрнул.

Рукоять вышла с сухим металлическим треском.

Где-то внутри створки один за другим начали отпускать замки.

Первый.

Второй.

Третий щёлкнул не до конца.

Вадим провернул рукоять вниз, упёрся ногой в стену и потянул ещё раз. Механизм взвыл так, будто внутри двери рвали толстый кабель.

Створка дрогнула.

Зазор стал шире.

Не проход. Пока только щель.

Вадим протиснул в неё руку, нащупал край второй створки и потянул. Металл пошёл ещё на несколько сантиметров. Из темноты сразу потянуло холодом.

Теперь за дверью был виден коридор.

Без света.

Оттуда пахло палёной изоляцией, мокрым металлом и чем-то сладковатым, чужим для корабля.

Вадим не полез сразу.

Зазор был слишком узким. Для него — ещё можно было бы. Боком, через боль, содрав плечо о край створки. Но не для Ирины. Не для Тима. Не для Миры, если система додумается разбудить их следом и погонит к выходу по штатному протоколу.

Им нужен был проход.

Нормальный.

Он снова взялся за край створки и потянул.

Металл пошёл нехотя. Сухо скрежетнул в направляющих, остановился, потом подался ещё на несколько сантиметров. Вадим упёрся ногой в нижний паз, навалился всем весом и почувствовал, как в плече что-то горячо дёрнулось.

Створка разошлась почти наполовину.

Хватит.

Он отпустил край и несколько секунд стоял, согнувшись, дыша через рот. В груди хрипело. В голове стучало. Кожа на ладонях горела.

Система молчала.

Не докладывала. Не уточняла статус. Не требовала оставаться в криоотсеке до завершения пробуждения.

Просто молчала.

Вадим обернулся.

Капсула Ирины уже шла на разморозку. По краю крышки ползли белые линии подогрева. Медленно. Штатно. Будто вокруг не было ни сорванной двери, ни глухой тишины, ни запаха палёной изоляции.

Она просыпалась второй.

Потом дети.

Так было записано в протоколе. Так он сам когда-то выбрал, потому что это казалось правильным: сначала он, потом Ирина, потом Тим и Мира.

Времени оставалось меньше двух часов — если разморозка не сойдётся, система не ускорит протокол и корабль вообще ещё понимает, что делает.

За это время он должен был понять, насколько плох сбой и почему система докладывает норму там, где даже дверь приходится открывать вручную.

Показатели не сходились.

Кислорода слишком много.

Топлива слишком много.

Нутриентный запас целый.

После аварийного сброса корабль не должен был выглядеть таким сытым.

Вадим посмотрел на капсулы.

Ирина. Дети. Очередь пробуждения уже запущена.

Он не стал проверять их лица через стекло. Индикаторы горели — этого пока было достаточно.

Остальное нужно было узнать в рубке.

Он шагнул в коридор.

За переборкой было темно.

Не аварийный режим. Не экономия питания. Не ночное освещение. Просто темно, будто корабль забыл включить свет в той части себя, где свет должен был гореть всегда.

Пол под ногой отозвался тихим металлическим стоном.

Вентиляция здесь работала хуже. Воздух был холоднее, суше. По стенам не бежали служебные огни. Не мигали указатели. Не открывались вспомогательные панели.

Корабль молчал.

Вадим двинулся к рубке, держась рукой за стену.

Каждый шаг давался отдельно. Нога. Пауза. Вдох. Ещё шаг. Тело всё ещё считало себя мёртвым и не понимало, почему его заставляют идти.

Рубка чернела впереди.

Тоже без света.

Только в самом конце коридора было слабое сияние. Не от ламп. Не от приборов.

Вадим остановился на пороге.

Броневые створки были раскрыты.

В гиперрежиме они должны были оставаться закрытыми до полной проверки внешней среды. После выхода — открываться только по команде. После подтверждения координат. После сверки маршрута. После десятка скучных, правильных процедур.

Сейчас они стояли открытыми.

Через толстое стекло рубки виднелись звёзды.

Много звёзд.

Слишком много.

Вадим смотрел на них, пока холод в груди не стал тяжелее боли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.